

СЕРДЦЕ СЕВЕРА

СЕРАФИНА РИВ
СТЕЩА РАШ

18+

Серафина Рив

Сердце Севера

«Автор»

2026

Рив С.

Сердце Севера / С. Рив — «Автор», 2026

Север — это приговор. Здесь нет жизни, только вечная мерзлота и проклятие. Гарт — проклятый Аш, чья душа скована льдом родового проклятия. Чтобы спасти свой умирающий народ, ему нужна жизненная энергия южанки. Шесть девушек уже приняли смерть в его покоях, не выдержав ритуала. Седьмая — Августа. Южная аристократка, проданная собственным женихом в обмен на свою жизнь. Никто не верит, что она переживет ночь, но что, если Север сам сделал свой выбор? Он не убьет ее. Он признает в ней свою госпожу.

© Рив С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нежная южная роза	5
Глава 2	9

Серафина Рив Сердце Севера

Глава 1. Нежная южная роза

— Эта дрянная девчонка снова упрямится! Зачем ты её родила?! — отец кричал на мать, как обычно. — Я бы скормил её собакам, если бы вредный старик не вступился за это поганое отродье!

Я вжалась в холодную стену возле приоткрытой двери кабинета отца. Поганое отродье — это он про меня. Я старшая принцесса южного Дома Воды. Старшая — значит, несчастливая. Отец хотел сына, а получилась я. Рыжая, неуклюжая, с бледной кожей. У меня не было силы брата или грации сестры, не было огромной внутренней силы Йор, как у матери.

Вообще ничего не было, кроме влиятельного и богатого жениха, от которого меня выворачивало наизнанку.

Но, конечно, меня никто не спрашивал. Кто я такая, чтобы что-то решать?

Меня любил только дед. Он всегда заступался за меня и успокаивал, когда я в синяках выходила из кабинета отца. Матери на меня было плевать. У неё были другие дети, которые, в отличие от меня, не порывались скормить бродячим псам.

Такова участь первенца. В наших краях, если первой рождалась дочь, она навлекала беду на весь род.

Дед умер прошлой зимой. Ушел тихо, никого не побеспокоив. Как всегда. Последний год его жизни я провела рядом с ним. Помогала ему ходить, кормила, убирала... А потом его не стало. Вся семья вздохнула с облегчением, а у меня словно вырвали душу и вывернули наизнанку. Прошел год, а я до сих пор иногда чувствую его руки на своих волосах, когда засыпаю.

Я помотала головой, отгоняя грустные мысли. Не хватало ещё отхватить по шее за то, что разрыдалась под дверью отцовского кабинета.

— Я отошлю её Дому Земли сегодня же! Пусть принц забирает свою проблему. Всё, меня она больше не касается!

Я поёжилась.

Принц Дома Земли, Альберт, казалось, помешался на мне. Он ходил за мной хвостом с самого детства. На всех приемах просил у отца мой первый танец, а недавно пришел с предложением руки и сердца, на которое отец ответил согласием.

Я даже не стала спорить. Просто начала методично продумывать план побега, который, кажется, наконец-то мне пригодился.

«Собрать провизию, вещи на первое время», — проговаривала я, пока поднималась к себе, подобрав юбки. Времени у меня было немного. Вероятно, отец не шутил. Он никогда не шутил, когда дело касалось того, как же меня ещё наказать.

Он знал, что Альберт мне противен. Скорее именно поэтому он закрыл глаза на многолетнюю вражду Дома Воды и Дома Земли. Он хотел сделать мне побольнее, и у него это получилось. Каждый раз, когда я танцевала с Альбертом на приемах, меня выворачивало в ближайших кустах. Отец знал это и только сильнее подстегивал земного принца приглашать меня на танец.

— А! Уже собираешься? — Я услышала холодный голос отца за спиной и вздрогнула.

— Батюшка? — картинно-наигранно вскрикнула я, пряча сумку за спину. — Что вы, я просто...

Он не дал мне договорить, резко вскинув руку.

— Довольно. Мне плевать, что ты делаешь. Сегодня ты уезжаешь в Дом Земли. Если сбежишь по дороге, с тобой уже будут разбираться по их законам. Меня это не касается.

Он прошелся по моей комнате, посмотрел в окно, медленно дошел обратно к двери. Я не дышала, надеясь, что он не начнет меня обыскивать.

— Собирай вещи, через час твою комнату отдадут Ёсе, — усмехнулся он, оборачиваясь ко мне, а затем вышел, громко хлопнув дверью.

Вот так. Родная дочь оказалась хуже дворовой шавки Ёси. Я снова помотала головой. Жалеть себя я буду потом, когда пересеку границу с независимыми территориями, а сейчас не время!

Я спешно распахнула украшения по тайникам. В подошву легких босоножек, в пару потайных кармашков в белье и платье. Перед тем как убрать фамильный дедушкин кулон, я нежно погладила его подушечкой большого пальца. На нем была изображена нежная роза. Символ бабушкиного родного дома. Дед подарил его мне перед своей смертью. Это была моя память о нем и о том, что я сильная, что я со всем справлюсь, нужно только захотеть.

Наконец, я была готова. Для вида я скинула платье в саквояж, положила туда немногочисленные фамильные драгоценности отцовского дома, небольшой семейный портрет и личный дневник. Конечно, я его никогда не вела, но должна же была создать видимость того, что эти вещи для меня дороги.

Последние три года я методично записывала в этот дневник ложные мысли нежной южной розы. «Чем слащавее и романтичнее, тем лучше» — такой был мой девиз.

Конечно, каждый знал, что это мой дневник, ведь я мечтательно записывала в него «свои мысли» на публику.

Я судорожно огляделась. Кажется, я ничего не забыла. Ну вот. Теперь я окончательно лишилась родного дома. Дома, в котором я провела всё детство и юность. Дома, который по праву крови должен был стать моим, если бы я только родилась мальчиком.

В дверь постучали.

— Августа, жених приехал, — холодно сказала мать.

Я прерывисто вздохнула, стараясь успокоиться и натянуть счастливую улыбку.

— Уже бегу, матушка! — Я выскочила из комнаты и легкой поступью выбежала во двор.

Я слышала смехок матери и видела победную ухмылку отца, который был уверен, что обрекает меня на вечные страдания.

Выбежав во двор, я кинулась на шею Альберту.

— Дорогой! — счастливо взвизгнула я. От его запаха меня чуть не вырвало, но я не позволила себе потерять лицо счастливой невесты. — Мы наконец-то поедem домой? — счастливо и нарочито громко спросила я.

Пусть знает, старая псина, что я не страдаю. Я не доставлю ему удовольствия упиваться своей победой.

— Да, рыбка моя, поедem, — как-то неуверенно сказал Альберт. Я отметила, как подленько у него забегали глазки. Это было не к добру. Он явно что-то задумал. Пока я не могла раскусить его мотивы, но мне было всё равно. Сейчас мы сядем в карету, потом поедem, я попрошусь остановиться в туалет, и всё. Ищи-свищи меня, дорогой женишок.

Нежно прижавшись к его плечу, я из последних сил держалась, чтобы меня не вырвало. Надо разыгрывать счастливую невесту до конца. Пусть отец видит, пусть его злит моё счастье.

Альберт галантно подал мне руку, когда я заходила в круглую, похожую на большой арбуз, карету. Очаровательно ему улыбнувшись, я приняла помощь.

Уже в карете можно было немного расслабиться и отстраниться от Альберта под предлогом посмотреть в окошко.

Женишок был на удивление молчалив. Было видно, что он нервничал всё сильнее с каждой минутой нашего пути.

— Дорогой, — я надула губки и повернулась к нему, — а мы могли бы остановиться? Я выпила так много сока перед дорогой, боюсь, мне нужно отлучиться...

Альберт резко поднял голову и посмотрел на меня. Он обкусал губы до крови.

— Да? — неуверенно сказал он, о чем-то задумавшись. — Да! — уже веселее добавил он. — Конечно, рыбка моя, там будет хорошая полянка. На ней и остановимся. Потерпи пару минуток.

От его «рыбка моя» меня немного передёрнуло, но, к счастью, он этого не заметил. Что же его так беспокоит? Может, ему не разрешили взять меня в жёны, и он решил сделать меня наложницей, и поэтому не хочет расстраивать?

Неважно. Я всё равно собиралась сбежать, поэтому меня это не касалось. Я сделала пару глубоких вдохов. Казалось, что сбежать — это легко, но на деле оказалось чертовски сложно. Бросить всё такое привычное и умчаться в неизвестность. Та ещё задачка...

Через пару минут карета остановилась. Я подскочила, открывая дверку.

— Я быстро, дорогой! — весело сказала я, выходя из кареты.

Шаг на свободу. Второй. Третий. Я прикрыла глаза, чтобы успокоиться, и к моему удивлению услышала, что моя карета уезжает вместе с Альбертом. Медленно обернувшись, я увидела свой саквояж, аккуратно стоящий на земле.

Подошла. Подняла его и огляделась. Это... Что это значило?

— Далеко собралась, розочка? — грубый низкий голос за моей спиной явно не сулил мне ничего хорошего.

Сильные мужские руки зажали мне рот. Я дернулась, но безрезультатно. Меня сильнее прижали к крепкому мужскому телу. Я с силой укусила палец, который держал мой рот.

— Вот тварь! — меня отпустили, но ненадолго. Я успела обернуться, когда нападавший схватил меня за запястье.

— Будешь кусаться, сам Аш тебя на месте убьет. Даже до ритуала не доживешь! — сказал он, дергая меня на себя.

Северяне. Это были северяне, а значит, ничего хорошего меня дальше ждать не могло.

— Да я тут... Жениха жду... — растерянно сказала я, — давайте просто мирно разойдемся, а?

Северянин рассмеялся.

— Ты слышал? Она жениха ждет! А женишок-то тебя продал. Пошли, розочка. Теперь у тебя одна задача, сдохнуть под Ашем и не выделяться.

— Нет! — я дернулась, — Нет! Он не мог меня продать! Он любит меня!

Отчего-то я была в этом уверена. Любовь Альберта была для меня настолько естественной, что я даже подумать не могла о том, что он продаст меня северу.

— Жизнь он тоже любит, но, когда она висит на волоске и мать родную продашь и родину, куда уж там, невеста, — хохотнул второй северянин, крепко связывая мне руки.

— Нет, прошу вас, отпустите! — крикнула я, после чего мне заткнули рот какой-то грязной тряпкой и кинули в повозку.

Дальше я ехала молча. А смысл? От Альберта я сбежать могла, а от северян даже пытаться не стоит. В моих же интересах доехать живой. Может они пощадят меня и хотя бы определят в кухарки? Я слышала, что на севере тоже бывает лето. Короткое, две недели, но может быть тогда я успею сбежать? Уж ждать-то я умею...

Мы ехали долго. До самого вечера. Как раз появилось время себя пожалеть.

Чем я заслужила такую судьбу? Я не выбирала родиться девочкой, я вообще не выбирала родиться. Отец ни раз говорил, что лучше бы я сдохла в детстве. Меня никогда не лечили от болезней, не кормили неделями, а я все жила. Вопреки всему. Какая же из меня роза? Я даже сдохнуть нормально не могу.

Я смотрела на голубое небо и тихо плакала лежа на деревянной телеге. Вот тебе и родиться под счастливой звездой принцессы...

Голубое небо постепенно сменялось серым, а затем стало и вовсе черным. Наступила глубокая ночь. Заметно похолодало. Видимо мы приближались к северным границам.

— Слышь, толстый, проверь, она там живая? А то что-то притихла? Поди от страха скопытилась.

Я услышала тяжелые шаги, а затем голос прямо над собой.

— Да нет, лежит рыдает.

— Рыдает, это хорошо, — усмехнулся второй, — это значит осознает.

Меня резко поставили на ноги. Я почувствовала что-то холодное и мокрое под ногами. Снег? Это был... Снег?

Посмотреть мне не дали, меня просто затолкали в какой-то мешок и кинули в другую повозку. Или... Это была не повозка? Я не видела, но шла она явно мягче. Меня трясло от пробирающего до костей холода. На удивление внутри у меня тоже был холод. Холод и пустота... Мне не было больно, не было грустно, мне просто было... Никак. Может быть выплавав все слезы, я смирилась со своей судьбой? Может быть убитой Ашем севера — это честь? Отмучаюсь, а в следующей жизни буду самой счастливой?

Мы ехали долго. Казалось, вечность. Но вот повозка остановилась. Не как останавливаются кареты, а плавно.

Мешок грубо стянули с моей головы. Я жадно вдохнула ледяной воздух, который обжег легкие, и закашлялась.

Вокруг была крошечная тьма. Ни луны, ни звезд. Только тяжелое, низкое небо, из которого валил крупный снег.

Я всегда думала, что вечная ночь Севера всего лишь легенда, а оказывается, вот она какая... Меня мелко затрясло от холода.

Грубый толчок в плечо заставил меня упасть на четвереньки. Холод обжег кожу. Мои легкие босоножки мгновенно промокли, холод забирался все выше. Я подняла голову, пытаясь унять дрожь и сфокусировать взгляд.

Передо мной возвышалась настоящая крепость. Не роскошный замок из южных сказок, а огромная, грубая каменная цитадель, вросшая в мерзлоту. Из узких бойниц пробивался тусклый рыжий свет.

— Добро пожаловать в домой, розочка, — хохотнул один из моих похитителей, поднимая меня на ноги и пихая меня в спину. — Эй, Брут! Забери свою добычу!

Из ворот вышел здоровяк, закутанный в толстые шкуры. Он посмотрел на меня сверху вниз, словно на бродячую собаку, которую привязали к крыльцу.

— Это и есть та самая, с нужным Йором? — недовольно сплюнул он. — Выглядит так, словно сдохнет от любого чиха в её сторону. Аш на неё даже не посмотрит.

Меня затрясло сильнее. То ли от холода, то ли от страха. Я не понимала.

— Не наша проблема, — ответил тот, что поймал меня. — Принц Земли эту привез. Куда ее?

— В ледник, — махнул рукой Брут. — Аш в отъезде. Когда вернется — пусть сам решает, что с этой тварью делать. А пока пусть поморозится для сговорчивости.

Меня схватили под руки, волоча по снегу к черным воротам крепости. Я пыталась уператься, кричала, что произошла ошибка, но северянам было плевать.

Меня протащили по гулким, холодным коридорам, где пахло ржавчиной и сыростью, а затем швырнули в какое-то темное нутро замка.

Дверь захлопнулась за мной с тяжелым лязгом. Послышался скрежет засова.

Тишина.

Я осталась одна. В крошечной тьме ледяного подвала.

Глава 2

Великий Аш Гарт, Север, неделю спустя

Тяжелый засов скрипнул, разрезая звенящую тишину подвала железным визгом, и массивная дверь распахнулась, впуская внутрь клубы морозного пара. Запах плесени, ржавчины и застарелого страха моментально смешался с ароматом снега, свежей крови и дорогого меха, который нес на себе вошедший.

Гарт переступил порог. Его сапоги громыхнули по промерзшему камню. Великий Аш, сердце Севера, мясник, тиран — он заполнил собой все тесное пространство сырой камеры. В тусклом свете факелов его лицо казалось высеченным из того же камня, что и стены замка: жесткие линии, шрам, пересекающий бровь, и глаза — бледные, как зимнее небо, и такие же пустые.

Взгляд скользнул туда, где на толстых ржавых цепях, висящих с потолка, скорчилась девушка. Цепи уже давно врезались ей в запястья до крови. Нежная, хрупкая южная розочка, привезенная с солнечных земель в эту вечную мерзлоту. Несколько дней назад она еще кричала, требовала, плакала. Аш слышал, когда вернулся с похода. Сейчас она издавала лишь тихие, еле слышные всхлипы. Они срывались с потрескавшихся губ, нарушая тишину ледника.

Гарт смотрел на нее, и внутри него не шевельнулось ни капли жалости. Только глухое, привычное отвращение к чужой слабости. Он ненавидел ее. Ненавидел за то, что она вообще существует. За то, что его жизнь негибачего правителя теперь зависела от этой дрожащей, жалкой девчонки.

Он подошел вплотную. Плащ из черного волчьего меха мазнул по ее голым, посиневшим от холода ногам. Гарт не стал снимать перчатки из толстой кожи. Его рука метнулась вперед и грубо, больно сжала ее подбородок, заставляя запрокинуть лицо к свету.

— Хватит выть, — голос Гарта прозвучал хрипло, низко.

Он склонился к ее лицу так близко, что едва не коснулся её.

— Мои люди сказали, ты согласна стать моей женой. — Губы Гарта скривились в жестокой усмешке, обнажив ровные белые зубы. — Я бы спросил, в самом ли деле ты этого хочешь, но нам обоим известно, что это ложь. Ты согласна, потому что твой жалкий юг научил тебя цепляться за жизнь любой ценой.

Большой палец в кожаной перчатке надавил ей на скулу, с силой оттягивая кожу вниз, заставляя открыть рот шире.

— Хорошо. Ты выйдешь за меня. Станешь моей собственностью, сосудом для снятия проклятия. Не смей мечтать о большем, я не твой защитник, не твой муж в том смысле, в каком вы, южные дурочки, рисуете это в своих сказках. Я — твой палач. Ты пожертвовала собой, чтобы выжить, но очень скоро ты пожалеешь, что не сдохла в этой яме.

Он резко отпустил ее подбородок, отшвыривая ее голову в сторону, и скрестил руки на груди. Цепь над ней жалобно звякнула.

— Скажи мне это. Громко. Скажи, что согласна стать моей женой по собственной воле. И, может быть, я прикажу дать тебе чашку воды, прежде чем брошу на свое ложе.

Он снова взял её за подбородок, заставляя посмотреть на него. Она всхлипнула и с силой укусила его за палец, прокусив перчатку.

Гарт замер.

На мгновение в леднике воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивает факел в сырости и где-то далеко капает вода с сосульки. Он не дёрнулся, не отдёрнул руку — только смотрел вниз на неё, прищулив глаза. Лёд в его зрачках стал гуще, темнее.

А затем он рассмеялся.

Тихо. Сухо. Это был не смех удовольствия — скорее звук, который издаёт нож, выходящий из раны. Он медленно, с нажимом, выдернул палень из её рта и поднёс к глазам. Сквозь разорванную кожу перчатки проступила тёмная, почти чёрная кровь — густая, как смола, с мерцающими в свете факела льдинками.

Он посмотрел на укус, потом на неё.

— Ты укусила меня, — сказал он беззлобно, даже почти задумчиво. — Знаешь, что в моих землях делают с теми, кто кусает великого Аша?

Он разжал руку, встряхнул кистью, и перчатка с глухим стуком упала на каменный пол. Обнажилась ладонь — бледная, с тёмными венами, что вились узорами под кожей, как корни промёрзшего дерева. На указательном пальце чернел свежий кровавый след.

Гарт шагнул ещё ближе, теперь почти касаясь грудью её висящего тела, нависая над ней всем своим весом. Его дыхание коснулось её губ.

— Это был храбрый поступок, — произнёс он медленно, растягивая слова, словно пробуя их на вкус. — И очень глупый.

Он взял её за горло. Не сжимая, лишь придерживая — тяжёлая ладонь легла на её голую шею, прижимая к стене.

— Ты думаешь, что показала мне свою силу? — он склонил голову, разглядывая её лицо — потрескавшиеся губы, черные круги под глазами. — Ты показала мне только то, что в тебе ещё осталось немного жизни. Это хорошо. Мёртвая кукла мне не нужна. Но учти.

Он наклонился к самому её уху, и голос его стал тише.

— Каждый раз, когда ты будешь меня кусать, я буду отнимать у тебя что-нибудь. Сначала воду. Потом еду, тепло. Потом — жизнь.

Он отстранился, убрал руку с её горла. На её коже остался красный след от пальцев. Она жадно глотнула воздуха.

— Я не повторяю дважды. Ты выйдешь за меня. Скажи это добровольно, или я прикажу своим людям запереть тебя здесь ещё на неделю. Только на этот раз — без света и без надежды, что кто-то войдёт. Ты сгниёшь здесь, моя розочка. Сгниёшь, и я найду другую девушку с нужным знаком.

Он выпрямился, скрестил руки на груди и ждал. Взгляд его был непроницаем, но в уголках губ застыла тень обещания боли, на которую она только что себя подписала.

— Я выйду за тебя, — безжизненно тихо сказала она.

Гарт какое-то мгновение молчал. Просто смотрел на её губы, которые произнесли эти слова, на пустые глаза, в которых не осталось ни надежды, ни сопротивления. И это его разозлило.

Он ожидал слёз. Истерики. Унижений. Но она произнесла это так, словно смирилась. Безжизненно. Как будто её уже не было здесь. И в этом было что-то неправильное.

Его рука снова взметнулась, на этот раз сжав прядь её спутанных, грязных волос, и он с силой потянул её голову назад, заставляя смотреть в потолок.

— Ты согласилась. Прекрасно. Сейчас я прикажу тебя отмыть, одеть и накормить — ровно настолько, чтобы ты могла стоять у алтаря. — Он почти выплюнул последнее слово, словно оно было ядом. — Но после того, как кольцо будет на твоём пальце, ты узнаешь, что такое истинный Север. Здесь нет места нежности, розочка. Ты будешь чувствовать холод каждую секунду своего существования здесь. Я сделаю так, что сама захочешь сдохнуть, но процесс будет мучительным, и я не позволю тебе просто так сбежать.

Он отпустил её волосы с резким движением, и она мотнула головой. Влага со стен холодила её босые ноги.

— Привести её в порядок, — бросил он через плечо, в сторону двери, где стояли два охранника в чёрных плащах, невидимые во мраке. — И принесите воды. Она заслужила... глоток.

Он снова повернулся к ней, и его лицо озарила мерцающая тень факела.

— Наслаждайся этим, розочка. Потому что после того, как ты станешь моей женой, вода будет капать из чаши не чаще, чем я буду считать нужным. У тебя есть один день, чтобы научиться быть благодарной.

Он вышел и медленно вытер ладонь о меховой плащ, ту самую, что ещё минуту назад сжимала её подбородок.

— Я уже вижу, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к охранникам, застывшим у дверей. — Её глаза пусты. Её душа не принимает Север. Она не станет моей женой в том смысле, в каком это нужно ритуалу. Она примет меня телом — потому что ей некуда бежать. Но её Йор... — он усмехнулся шире, и в этой усмешке было что-то звериное, — её слабый южный Йор убьёт её в первую же ночь.

Гарт шагнул в коридор, и массивная дверь с глухим лязгом захлопнулась за его спиной, отрезая её всхлипы, звон цепей и сырой холод подвала от остального мира.

Он шёл по каменному коридору, и в тишине замка его шаги звучали, как удары молота. Мысль о том, что она умрёт, не вызвала в нём ни сожаления, ни тревоги. Только холодное, тёмное удовлетворение — он не будет тратить время на ложные надежды. Он уже приказал отмыть и накормить её лишь для того, чтобы ритуал состоялся. Но если Йор отвергнет её — а она отвергнет, он знал это по холодку, пробежавшему по венам, когда он коснулся её кожи — тогда он просто выбросит тело в снега. И наймёт нового охотника за южными девушками. Через месяц. Или через год. Времени у него было много.

Гарт остановился у лестницы, ведущей в его личные покои, и поднял глаза к высокому потолку, где сквозь узкие бойницы пробивался тусклый северный свет.

— Ты не принесёшь мне спасения, — сказал он пустоте. — Но ты подаришь мне развлечение.

Ритуал должен был состояться через шесть часов. Гарту нужно было как следует выспаться перед ритуалом. Он отнимал много сил.

Гарт уже был готов провалиться в сон, но уснуть не получалось.

Он лежал на широкой постели, застеленной медвежьими шкурами, в своих покоях. Свечи догорали, и их тени дрожали на стенах, как живые существа. Но сквозь шум ветра за окном, сквозь гулкую тишину замка он продолжал слышать её.

Она не кричала. Она рыдала. Тихо, надрывно, на одной ноте, которая просачивалась сквозь каменные стены, как вода сквозь трещины. Он слышал, как она дёргает цепи, как её дыхание срывается на хрип, как она что-то шепчет — возможно, молитву южному богу. И этот звук, тихий и монотонный, въедался ему в череп, как заноза.

Гарт перевернулся на бок, затем на спину. Натянул мех до самого подбородка. Прикрыл глаза.

Не помогло.

Она всё ещё плакала. Звук вплетался в его собственный ритм сердца, нарушая привычный ледяной покой.

Он сел. Резко, с тихим рыком, сбросил шкуры с плеч и уставился в темноту комнаты. В ней пахло дымом, мёдом и его собственной кровью, которая сочилась из трещин на его коже.

— Проклятая, — выдохнул он сквозь зубы. — Ты даже в подвале умудряешься мешать мне.

Он поднялся с кровати. Голый по пояс, при свете угасающего камина, его торс выглядел как карта боёв — старые и новые шрамы, тёмные вены. Он натянул штаны, накинул меховой плащ, и вышел из опочивальни. Сапоги гулко стучали по коридору, но он не зажигал факела — он знал этот путь наизусть.

Когда он спустился в подвал, дверь в её камеру была уже слегка приоткрыта. Её рыдания стали громче. Он остановился в проёме, опершись плечом о косяк, и долго смотрел на неё

в полумраке. Она лежала на холодном полу, скорчившись, прикованная к стене, и её плечи вздрагивали.

— Ты не даёшь мне уснуть, — сказал он тихо, почти задумчиво. — И меня это раздражает гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Он перешагнул порог и подошёл ближе. Нагнулся, грубо схватил её за подбородок, поднял её лицо к себе.

— Ты так горько плачешь, что я слышу твой голос даже сквозь камень. — Он прищурился. — Я думал, ты уже израсходовала все свои слёзы. Но ты, я смотрю, неиссякаемый источник.

Он отпустил её и выпрямился, глядя сверху вниз.

— Замолчи. Или я прикажу своим людям принести кляп.

Он помедлил, разглядывая её заплаканное лицо.

— Что ты вообще оплакиваешь? Дом? Свободу? Жизнь? — Он слегка наклонил голову. — Это всё уже не имеет значения, розочка. Ты здесь. На рассвете ты сохнешь в моей постели. Такова твоя судьба.

Он ждал, скрестив руки, и его глаза в темноте светились холодным, колючим интересом.

Плакать она не переставала. Рыдала ещё громче. Её руки были закованы в цепи, и она не могла оттолкнуть его руку.

Гарт стоял неподвижно, вглядываясь в её лицо. Он видел, как дрожат её губы, как слёзы текут по вискам, как судорожно вздымается грудь. Но больше всего его привлекли глаза. В них не было покорности. Они горели — не огнём, нет, южным солнцем, которое уже начинало угасать, но всё ещё отчаянно сопротивлялось.

Он разглядел там ненависть. Презрение. Отвращение — такое глубокое, что оно не нуждалось в словах. И ещё что-то, что он не мог сразу определить, но что заставило его внутренности сжаться холодным узлом.

— Ах, — произнёс он медленно, не отрывая от неё взгляда. — Так вот оно что.

Он всё ещё держал её за подбородок, и его большой палец надавил чуть сильнее, вжимаясь в кожу, пока не побелело. Он не отпускал её, хотя она не могла сопротивляться — её руки были закованы, и она даже не могла вытереть слёзы.

— Ты ненавидишь меня, — сказал он с тихим, почти одобрительным смешком. — Не просто боишься. Не просто страдаешь. Ты смотришь на меня так, будто я — олицетворение всех твоих ночных кошмаров.

Он наклонился ближе, почти касаясь носом её лба, и его голос стал тише, опаснее:

— Это хорошо. Ненависть живёт дольше надежды. Если бы ты плакала только от страха, ты была бы скучной. Но ненависть... — он на мгновение задержал дыхание, — ненависть согревает.

Гарт разжал пальцы и резко выпрямился. Он отошёл на шаг, засунул руки за пояс, и уставился на неё сверху вниз с выражением, которое нельзя было назвать ни злостью, ни удовольствием. Скорее — расчётливым ожиданием.

— Продолжай плакать, — вдруг сказал он, и в его голосе зазвенела сталь. — Или не продолжай. Мне всё равно. Но учти: через шесть часов тебя ждет твоя смерть. Этого не изменить, розочка.

Он шагнул к двери, но на пороге остановился и обернулся. Факел за его спиной выхватывал из мрака лишь половину его лица.

— Знаешь, что я вижу в твоих глазах? — спросил он, не ожидая ответа. — Надежду. Ты всё ещё надеешься, что кто-то придёт. Что я изменюсь. Что слёзы смягчат меня. Я скажу тебе правду, розочка. Ты можешь плакать, пока твоё горло не сорвётся, и в этом замке никто не услышит. Кроме меня. А я не твой спаситель.

Он вышел, захлопнув дверь с глухим стуком, и его шаги затихли в коридоре.

Но через минуту он вернулся. Рывком открыл дверь и бросил на пол, прямо к её ногам, кусок чёрной ткани — грубой и жёсткой, как кора.

— Заткни себе рот, если не хочешь, чтобы я сделал это сам.

Он ушёл. На этот раз — окончательно. Но его присутствие всё ещё висело в воздухе, как запах грозы после удара молнии.

Крики стихли, и он наконец-то смог поспать.